

Смайлова Ж.А.
**Тема детства в творчестве
Н.А. Тэффи**

В статье рассматриваются особенности раскрытия темы детства на примере рассказов русской писательницы зарубежья Н.А.Тэффи. Устанавливается значение данной темы в ее творчестве, способы отображения реальности глазами детей в соотноении с устоявшимися традициями в литературе. С помощью биографического и структурно–семиотического методов анализа рассмотрены рассказы из сборников Тэффи 1910–1916–х годов, мало изученные в литературоведении XX века. Проведена классификация рассказов, выделены 3 группы рассказов на основе 3–х возрастных групп и соответствующих этапов становления детской психики. Проведен анализ приемов раскрытия темы детства, основным результатом которого следует считать вывод об особой значимости приемов антитезы и оксюморона, иронии и сатиры.

Ключевые слова: детство, традиции, рассказ, образы, заглавие, ирония, антитеза, оксюморон.

Smailova Zh.
**Childhood subject in
N. A. Taffy's creativity**

In article discusses the features of the topic on the example of childhood stories Russian writer abroad N.A.Teffi. Sets the value of the subject in her work, how to display the reality through the eyes of children in correlation with established traditions in the literature. With biographical and structural semiotic analysis methods discussed stories from the book Taffy 1910–1916–ies, little studied in literary criticism of the twentieth century. The classification of short stories, short stories divided into 3 groups based on 3 age groups and respective stages of formation of the child's mind. The analysis methods of the topic of childhood, the main result of which should be regarded as a conclusion about the special significance and methods of antithesis oxymoron, irony and satire.

Key words: childhood, tradition, story, images, title, irony, antithesis, oxymoron.

Смайлова Ж.А.
**Н.А. Тэффи
шығармашылығындағы
бала тақырыбы**

Мақалада шетелдегі орыс жазушысы Н.А. Тэффи шығармашылығы барысында бала тақырыбын ашудың негізгі ерекшеліктері қарастырылады. Аталған тақырыптың жазушы шығармашылығындағы маңызы айқындалып, әдебиетте қалыптасқан дәстүр бойынша өмірлік шындық бала көзқарасы арқылы суреттеледі. XX ғ. әдебиеттану ғылымында аз зерттелген Тэффидің 1910 – 1916 жж. жинақтарындағы әңгімелер биографиялық және құрылымдық – семиотикалық талдау әдістері арқылы қарастырылады. Әңгімелерге топтастырылу жүргізілу барысында бала психикасы қалыптасуының негізгі кезеңдерін анықтайтын әңгімелер 3 топқа жіктелді. Бала тақырыбының қыр – сырын ашуда антитеза, оксюморон, ирония және сатира сынды әдеби – көркем тәсілдердің мәні мен маңызы ерекше екенін ескере кеткен жөн.

Түйін сөздер: балалық шақ, дәстүрлер, әңгіме, образдар, бастама, ирония, антитеза, оксюморон.

ТЕМА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. ТЭФФИ

Детство – самая светлая и радостная пора в жизни каждого человека. По крайней мере, оно должно таким быть, потому что в детстве закладывается характер человека, его отношение к себе и к окружающему миру. В обычном понимании детство – синоним духовной чистоты и непосредственности нравственного чувства человека. Наверное, для всякого взрослого человека в его детстве есть нечто такое, что сохраняет смысл и значение изначального критерия счастья. Так, например, читая некоторые рассказы писателя русского зарубежья Н.Тэффи, мы чувствуем, что они написаны «большими детьми»: ей удалось убедительно воспроизвести то изначальное чувство гармонии мира, которое заключено в детстве, детских годах.

«Детство – это огромный край, откуда приходит каждый» [1, 28], – писал Сент-Экзюпери. Ребёнок, по духовной природе своей, ищет гармонии и согласия, ему претят ненависть и жесточение, он весь открыт для любви. И как важно, чтобы из детства ребёнок вступал в юность с чистой и ясной душой, верующей и любящей, и чтобы память сердца не омрачалась тягостными воспоминаниями и хранила те, которые благодатно отразятся на всей его последующей судьбе.

Смотреть на окружающее глазами ребенка, видеть в привычном и знакомом новые, неповторимые черты, стремиться к новому – эти качества присущи многим писателям, в том числе Н.А.Тэффи. Тэффи проявляла глубочайший интерес к детской психологии, к семейному и общественному быту детей, к вопросам воспитания. Мир ребенка для нее – это мир маленького человека со своим внутренним «содержанием», полноценными мелочами быта, семейными неурядицами и несуразностями жизни.

Признание пришло к Тэффи после выхода в свет двухтомника «Юмористических рассказов» (1910). Однако сама писательница более всего дорожила «серьезной» прозой, неотъемлемой частью которой является цикл рассказов о детях. Для Тэффи легко было писать о них, и это наглядно видно из ее разговора с известным писателем русского символизма Ф. Сологубом, содержание которого приведем далее. Ф.Сологуб с Тэффи взяли однажды устанавливать метафизический возраст общих знакомых – тот, который определяет существо личности и

который порой немного расходится с возрастом реальным. Когда же добрались до самих себя, «шестисотлетний» Сологуб определил Тэффи как тринадцатилетнюю: *«Я подумала. Вспомнила, как жила прошлым летом у друзей в имении. Вспомнила, как кучер принёс с болота какой-то страшно длинный рогатый тростник и велел непременно показать его мне. Вспомнила, как двенадцатилетний мальчишка требовал, чтобы я пошла с ним за три версты смотреть на какой-то древесный нарост, под которым, видно, живёт какой-то зверь, потому что даже шевелится. И я, конечно, пошла и, конечно, ни нароста, ни зверя мы не нашли. Потом пастух принёс с поля осиный мёд и опять решил, что именно мне это будет интересно. Показал на грязной ладони какую-то бурю слякоть. И каждый раз в таких случаях вся прислуга выбегала посмотреть, как я буду ахать и удивляться. И мне действительно все это было интересно. Да, мой метафизический возраст был тринадцать лет»* [2, 14], – так писала Тэффи.

«Тринадцать лет – возраст радости и муки, возраст ещё и уже, грань, балансируя на которой, можно заглянуть назад, в детство, и вперёд, в этот возделанный мир, где живут «большие» – магическое и таинственное слово, мука и зависть «маленьких» [3, 16].

«Вечно тринадцатилетняя» Тэффи, к теме детства впервые обращается в сборнике «Неживой зверь», вышедшем в 1916 г. в Петрограде. Сборник поразил критиков и читателей несвойственным писательнице стилем: новый герой (ребенок), мягкий юмор, тонкий психологизм, серьезность темы в сочетании с лиризмом повествования не имели ничего общего с устоявшейся манерой иронического разоблачения духовного мещанства обывателей.

Мастерски передавая психологию ребенка, Тэффи создает неповторимый, своеобразный мир его мыслей и чувств. Ее рассказы «Неживой зверь», «Ревность», «Счастливая», «Репетитор», «Гурон» отображают детство как особое, невозвратимое, милое и навсегда утраченное душевное состояние. В этих рассказах Н.А. Тэффи, скорее, идет за общим традициями осмысления детства, актуализируя вполне устоявшиеся в русской литературе смыслы, явления и проблемы, соотносимые с детством. Однако если следовать именно за образами детства, созданными в этих рассказах, то скорее можно поверить писательнице на слово, прежде чем уяснить тот глубинный и порой крайне неожиданный смысл, который несут в себе дети и детство под ее пе-

ром. Что значат дети в этом мире? Как они воспринимают привычные для нас явления действительности? – вот вопросы, которые в данном случае волновали писательницу.

Интересно, что Тэффи достаточно точно указывает возраст детей – героев рассказов, что дает возможность дифференцировать эти рассказы по трем возрастным группам и соответствующим им этапам развития детской психики. Так, к первому этапу развития детской психики можно отнести рассказ «Неживой зверь». Рассказ «Неживой зверь», давший название сборнику 1916 г., обладает сложным философско-символическим подтекстом, в котором тонко представлена детская психология, показана пропасть между детским, естественным восприятием мира и лживым миром взрослых.

Действие рассказа происходит в доме маленькой Кати, и вся атмосфера его дана через восприятие главной героини произведения. Катенька по-своему воспринимает этот мир, оказавшись в окружении большого вещного мира и, естественно, в ее понимании много наивного. Отмечая комическое в поведении ребенка, автор не иронизирует, а любит его наивностью:

«А Катя ушла с бараном за сундук и стала мучиться.

Не живуч баран. Погибнет. Мочало вылезет, и капут. Хотя бы как-нибудь немножко бы мог есть!

Она достала с подоконника сухарь, сунула барану под самую морду, а сама отвернулась, чтобы не смущать. Может, он и откусит немножко... Пождала, обернулась – нет, сухарь нетронутый.

А вот я сама надкушу, а то ему, может быть, начинать совестно».

«Мое вам почтение! – слышит вдруг Гриша почти над самым ухом чей – то громкий, густой голос и видит высокого человека со светлыми пуговицами» [4, 164].

Девочка внимательно приглядывается, прислушивается к окружающему миру. Мир видится ей в определенных, четких границах, и поэтому во внешности взрослых, их психологическом портрете, в частности, она выделяет отдельные броские черты. Так, Катя не чувствует человеческого тепла ни со стороны мамы («она давно Кате ничего не отвечала, ей было все некогда»), ни со стороны папы и учительницы.

И поэтому закономерно, что свой главный подарок – большого шерстяного барана она наделяет человеческими качествами: *«Он был весь мягкий, с длинной кроткой мордой и человечес-*

кими глазами, пах кислой шерсткой и, если оттянуть ему голову вниз, мычал ласково и настойчиво: мэ – э!» [4, 9].

«Раз как – то расшалилась она, и он туда же – хоть морду отвернул, а видно, что смеется. А когда Катя завязала ему горло тряпкой, он хворал так жалостно, что она сама потихоньку поплакала» [4, 61].

Только баран оказывается «живым» существом для Кати, и в этом как нельзя лучше проявляется ирония, звучащая в самом заглавии рассказа – «Неживой зверь». Название рассказа представляет собой оксюморон – сочетание противоположных по смыслу слов. Ведь зверь – живое существо, и вдруг оно определяется словом «неживой».

В противоположность этому мать Кати, отец, учительница, няня, бабы – все они представлены словно «человекообразными», лишенными человеческого тепла и сочувствия: *«Мать отвернула свое птичье личико и ничего не ответила»; «Утро было скучное, темное, беспокойное, и неожиданно объявился папа. Пришел весь серый, сердитый, борода мохнатая, смотрел исподлобья, по – козлиному», «стали приходить из кухни какие – то бабы с лисьими мордами».*

«Учительница застучала каблуками, протянула Кате руку. Она действительно похоже была на старого умного цепного пса, даже около глаз были у нее какие – то желтые подпалины, а голову поворачивала она быстро и прищелкивала при этом зубами, словно муху ловила».

«Нянька подошла, вытянула шею».

Крыса это, а не кот! Крыса. Ишь, здоровенная! Этакая любого кота загрызет! Крыса!

Она так противно выговаривала это слово, растягивая рот, и, как старая кошка, щерила зубы, что у Кати от отвращения и страха заняло под ложечкой» [4, 65].

Подробно, глазами Кати показана вся эта обывательская, бездуховная обстановка, впечатления от которой врываются в душу ребенка и оказывают на нее свое глубокое влияние. В финале описываемого эпизода можно понять, что в душе ребенка происходит борьба разных чувств. С одной стороны – решительность, готовность бороться за свою любовь, с другой – страх. В этом поединке победу одерживает страх. В итоге ребенок отчаивается: Катя теряет самое родное и близкое ей существо, *неживого зверя*, теряет надежду, радость, любовь к близким...

Рассказы Тэффи «Ревность» и «Счастливая» относятся ко второму периоду детского развития, к дошкольному детству. Между тем

маленькие нина и Ваня отличаются от детей дошкольного возраста тем, что они не только воспринимают и по-своему объясняют действительность, но и вмешиваются в нее, оценивают других людей, и при этом у них вырабатывается собственное представление о том, что хорошо и что плохо. Как известно, маленький человек воспринимает окружающих обостренно, так как он еще только осваивает мир, поражая взрослых чувствительностью, впечатлительностью, своей наблюдательностью.

Дети (нина и Ваня) буквально горят желанием помочь новорожденным котяткам: *«До самого обеда, несмотря на горячие протесты няньки и кухарки, они сидят в кухне около ящика и возятся с котятками. Лица их серьезные, сосредоточены и выражают заботу. Их тревожит не только настоящее, но и будущее котят. Они порешили, что один котенок останется дома при старой кошке, чтобы утешать свою мать, другой поедет на дачу, третий будет жить в погребе, где очень много крыс»* [5, 205].

Так, опираясь на свой маленький опыт, фантазируют дети, и таким образом они воспитывают в себе художественное восприятие мира. Для них это своего рода новая игра: *«Кроме ящика с котятками, Ваня и нина не хотят знать никакого другого мира. Радость их не имеет пределов»* [5, 204]. Их изумляет и возмущает отношение к «событию» взрослых. *«К великому удивлению Вани, папа не разделяет его симпатий к котяткам, и, вместо того чтоб прийти в восхищение и обрадоваться, он держит Ваню за ухо и кричит: – Степан, убери эту гадость!»* [5, 204].

Любовь, сострадание и негодование Вани и нины глубоко искренни, и когда они ночью плачут и долго думают об обиженной кошке и жестоком, наглom, ненаказуемом Неро, читателю становится ясно, что событие («кошка оценилась!») было для детей подлинной школой жизни и что родители совершают большую ошибку, проходя мимо таких «событий». Взрослые должны относиться к этой внутренней работе детей с достаточной деликатностью, соблюдая золотую середину между естественными собственными эмоциями и невниманием к ребенку. Нежный механизм детской чувствительности можно повредить язвительной интонацией, раздражительным тоном: *«Чтобы этой гадости не было в доме!...»*. Герои – дети у Тэффи, как и в жизни, не всегда способны к анализу, но в их памяти навсегда остается негативное ощущение – ощущение ненаказуемости зла, бесчувственности, равнодушия родителей и других взрослых.

В третьей группе рассказов Тэффи о детях главными действующими лицами являются подростки 11-ти – 14-ти лет. Это – рассказы «Гурон» и «Репетитор». Подростковый возраст, возраст перемен и ломки характера очень трудный. Трудный для окружающий, но более всего тяжелый для самого подростка. Переменчивое, с резкими колебаниями настроение и предельная решительность делает его подчас совершенно неспособным адекватно оценивать ситуацию и вести себя сообразуясь с нею, именно из-за такой неадекватности подросток провоцирует порой возникновение разного рода конфликтов. У каждого свой психологический и эмоциональный уклад, свое восприятие мира. Отсюда и сомнения, и волнение.

В рассказе «Гурон» мы встречаем мальчика Серго, еще одну невинную жертву непонимания взрослых. Одиннадцатилетний Серго живет в Париже с тетей Линет, *«но ему, конечно, и в голову не могло прийти величать ее тетушкой. Это было бы так же нелепо, как, например, свертка называть бабушкой»* [6, 205]. Мальчик страдает от упреков тети и старого дяди, от столкновений двух культур. Дядя недоволен тем, что мальчик забывает русский язык: *«Как они скоро все забывают! – сказал он Линет. – Совсем офранцузились. Нельзя же так»* [6, 206]. Линет недовольна тем, что племянник все время мечтает о гуронах (индейцах): *«До чего глуп, до чего глуп! – ахала Линет. – Это принимает форму настоящей мании»* [6, 210].

Отметим, что мальчик не чувствует себя ни русским (*«про Россию не слышал, и свою национальную гордость опереть ему было не на что»*), ни французом: *«Все на свете вообще так сложно. В школе одно, дома – другое. В школе лучшая в мире страна – Франция. И так все ясно – действительно лучшая. Дома – надо любить Россию, из которой все убежали. Большие что-то помнят о ней»* [6, 207]).

Настоящая жизнь для Серго – это жизнь гуронов-индейцев: *«Там все ясное, близкое, родное... Сила, храбрость, честность»*. Однажды Линет пообещала достать карточки индейцев – снимки в «Иллюстрацион». Он терпеливо ждал, поглядывая вопросительно на Линет, и при произнесении слова «индейцы» Серго краснел до слез, задыхался, становился растерянным: *«Линет смотрела на него, приоткрыв рот, такого восторга на человеческом лице она еще не никогда не видела»* [6, 208]. В данном отрывке обращает на себя внимание эпитет *человеческий*, далеко не случайный в интересующем нас контексте.

В рассказе «Репетитор» Тэффи повествует о гимназисте восьмого класса Коле Факелове, который так же, как и Егор Зиберев, занимается репетиторством. Сцены того, как репетиторствует Факелов в семье, где все *«занимаются гусями»*, невозможно читать без смеха. Через два месяца работы «репетитору» не только не заплатили денег, но и самым оскорбительным образом выгнали из дома. Вспомнив о своем человеческом достоинстве, Коля бросает «в лицо» хозяину гордые слова: *«Вы – невежа, вот вы кто! Прямо вам в глаза говорю, что вы невежа! Да – с! Я еще с вами посчитаюсь!»* [7, 43].

Эти слова Коля произносит на улице, и его никто не слышит. Заканчивается рассказ глубоко трагичной нотой боли за поправленное достоинство «маленького» человека: *«Но душа его не могла подчиниться. Она тихо и горько плакала и понимала, что считаться ни с кем не придется, что его обидели и выгнали и что ушел он окончательно, совсем ушел...»* [7, 43]. Маленький герой Тэффи показан как проводник справедливости и нравственной чистоты по контрасту с беззаконием и цинизмом, распространенным в мире взрослых.

Таким образом, в своих «детских» произведениях, несомненно относящихся к высокому искусству, Тэффи находит собственные способы соединить смех и слезы, добродушную иронию и сатиру, улыбку и трагическое мировосприятие, нередко с помощью оксюморона («Неживой зверь»). В ее рассказах – все «на грани» комического и драматического, все как в жизни, где грустное тесно связано со смешным: *«Жизнь, как беллетристика, страшно безвкусна. Красивый, яркий роман она может скомкать, смять, оборвать, на самом смешном и нелепом положении, а маленькому дурацкому водевилю припишет конец из «Гамлета»*, – с грустью писала Тэффи [8, 45].

В своих произведениях на тему детства Тэффи создает картины реальности происходящего глазами детей, умело соединяя фантазию и редкую наблюдательность, свойственную маленьким человечкам. Рассказы Н.А.Тэффи построены на антитезе: Детство – мир взрослых, жизнь взрослых, где все *ненастоящее* есть игра, по правилам которой должен жить ребенок (*«Надо любить Россию, из которой все убежали!»*) В мире детей царит совсем другое: гармония и любовь, розовое, беспечное прошлое и пугающее настоящее, *оживание* предметного мира и омертвление человеческого, любовь и одиночество, непонимание взрослых, отсутствие с их

стороны теплоты, уважения, взаимопонимания, надежда и отчаяние наконец.

Мир детства глазами Тэффи – простой и добрый. И она, изображая его таким, тем самым предостерегала взрослых: будьте осторожны, будьте внимательны. Не навредите. Ведь черты будущего характера, основы человеческой личности закладываются в детстве. Так сделайте же

всё, чтобы жизнь «маленьких» как можно реже омрачалась столкновением с жестоким миром «больших», озабоченных лишь собственным комфортом и благополучием – мастерски, с помощью указанных ранее приемов, в свойственной ей иронической манере говорит Н.Тэффи. «Уроки» Н.Тэффи в рассказах на тему детства еще нуждаются в специальных исследованиях.

Литература

- 1 Антуан де Сент-Экзюпери. Военный летчик. – М.: Эксмо, 2010. – 192 с.
- 2 Бицилли П. Жизнь и литература // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. – М., 1999.
- 3 Николаев Д. Жемчужина русского юмора // Н.А. Тэффи. – М., 1990. – 415 с.
- 4 Тэффи Н.А. Неживой зверь. – М.: Лаком, 1997. – С. 164-169, 61-65.
- 5 Тэффи Н.А. Собрание сочинений. – Том 1: И стало так... – М.: Лаком, 1997. – С. 204-205.
- 6 Тэффи Н.А. Гурон. – М.: Астрель, 2012. – С. 205-210.
- 7 Тэффи Н.А. Репетитор. Рассказы. – М.: Эксмо, 2007. – С. 43.
- 8 Зощенко М.М. Н.Тэффи. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. – Л., 1974. – 140 с.

References

- 1 Antuan de Sent-Ekzyuperi. Voennyj letchik. – M.: Eksmo, 2010. – 192 s.
- 2 Bitsilli P. Zhizn' i literatura // Tvorchestvo N.A. Teffi i russkiy literaturnyj protsess pervoy poloviny XX veka. – M., 1999.
- 3 Nikolaev D. Zhemchuzhina russkogo yumora // N.A. Teffi. – M., 1990. – 415 s.
- 4 Teffi N.A. Nezhivoy zver'. – M.: Lakom, 1997. – S. 164-169, 61-65.
- 5 Teffi N.A. Sobranie sochineniy. – Tom 1: I stalo tak... – M.: Lakom, 1997. – S. 204-205.
- 6 Teffi N.A. Guron. – M.: Astrel', 2012. – S. 205-210.
- 7 Teffi N.A. Repetitor. Rasskazy. – M.: Eksmo, 2007. – S. 43.
- 8 Zoschenko M.M. N.Teffi. Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. – L., 1974. – 140 s.